

Вернуть Калмыкова

Год назад во «Времени МН» было напечатано большое интервью с израильским писателем Давидом Маркишем («Иерусалимский казак Дауд-бек», 8 февраля 2002 года), где он сообщал о своей работе над большим романом о русском Серебряном веке. Сегодня Давид Маркиш снова в Москве.

Беседовал Игорь Шевелев

— С чем связан ваш нынешний приезд в российскую столицу?

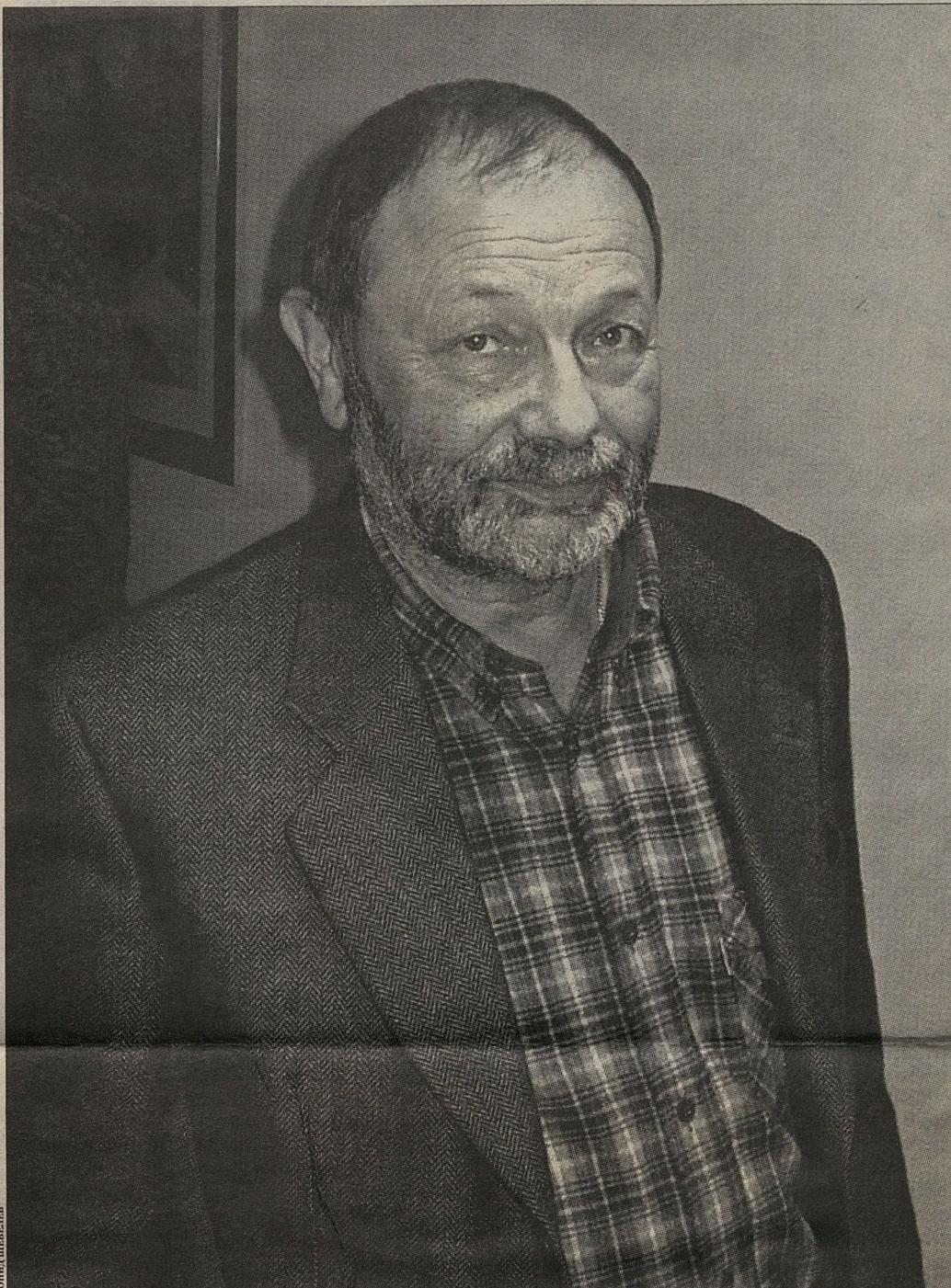
— У меня запускается фильм по книге «Стать Людовым, или Вольные фантазии из жизни писателя Исаака Эммануиловича Бабеля». Книга вышла в питерском издательстве «Лимбус-пресс», а сценарий пишет Павел Финн, мой друг и товарищ с младых ногтей. Он только что закончил сценарий 12-серийного фильма по «Московской саге» Василия Аксенова, устал, конечно. Пришло по-дружески попросить его напрячься по поводу моей романизированной биографии Бабеля, который выведен в романе под именем Иуды Гросмана.

— Год назад вы говорили о своих планах написать большой роман о художниках Серебряного века, удалось это?

— Роман этот, с предварительным названием «Белый круг» и объемом в 20 печатных листов, должен быть закончен летом, а в конце года — напечатан в журнале «Октябрь». В центре его судьба художника Сергея Ивановича Калмыкова. Это реальный человек. В 1910-х годах он учился у Юона и Петрова-Водкина, был близок художникам русского авангарда. В 1918 году он уехал из столицы в Оренбург, что спасло его от репрессий. С 1935 года и до своей смерти в 1967 году жил в Алма-Ате, где был чем-то вроде городского сумасшедшего. После себя он оставил, по самым грубым подсчетам, более полутора тысяч работ — это графика, живопись, рисунки — и около десяти тысяч страниц рукописей, своеобразный самиздат. Это спиральные иллюстрированные им самим книжки эссе, философских трактатов, романов, искусствоведческих рассуждений. Все тексты нарисованы от руки. Каждая страница — законченная композиция. Все книги под своими названиями — «Голубиная книга», «Фабрика бумаг», «Лунный джаз» и так далее.

— Вы говорите о нем с необычайным увлечением.

— Я убежден, что живописный русский Серебряный век определяют такие художники, как Малевич, Филонов, Эль Лисицкий, Татлин. Сергей Иванович Калмыков представляет собой пятую, пропущенную, фигуру этого русского авангарда. Мировое открытие его еще предстоит. Именно этой цели посвящен созданный мной и Алексом Орловым Фонд Сергея Калмыкова, который обладает самым крупным частным собранием работ художника. Сейчас ведутся переговоры о выставке его в Третьяковке в конце 2003 года. В Израиле печатается большой альбом его работ на двух языках — русском и английском. Помимо романа, я дописываю сценарий фильма о Калмыкове, который,



Давид Маркиш доволен — переписал историю русского авангарда

надеюсь, через год будет снят на студии «Кинарт», принадлежащей Владимиру Крупиницкому. Он хочет снимать телесериал минимум на 12 частей плюс полнометражную картину. Кроме этого, будет 26-минутный документальный ролик о жизни Сергея Калмыкова.

— Такой замах связан с особой «кинематографичностью» его судьбы?

— Безусловно. Это история гения, который прошел сквозь весь XX век, будучи устремлен в следующие века.

— Широкой публике художник Калмыков известен прежде всего как персонаж романа Юрия Домбровского «Факультет не-

нужных вещей». Сами вы откуда о нем узнали?

— Я прочитал «Факультет ненужных вещей» очень давно и был уверен, что Калмыков — вымышленная фигура. Помните: «Солнце заходило. Художник спешил. На нем был огненный берет, синие штаны с лампасами и зеленая мантилья с бантами. На боку висел бубен, расшитый дымом и пламенем. Так он одевался не для себя и не для людей, а для космоса, Марса и Меркурия, ибо это был «гений I ранга Земли и всей Вселенной» — декоратор и исполнитель театра оперы и балета имени Абая Сергея Иванович Калмыков, как он себя называл». С Домбровским мы были довольно хорошо знакомы, и я у него спросил о Калмыкове. Он говорит: «Да, это был действительно такой художник».

— «Юра, а ты его видел?»

— «Конечно. Я не был с ним близок, поскольку он был человек замкнутый, но я был с ним знаком». Так я о нем услышал. Еще до отъезда в 1972 году из СССР я был как-то в Алма-Ате, и в запаснике музея друзья показали мне рисунки Калмыкова. Я был в полном вдохновении от того, что увидел. Когда в 1991 году я приехал туда на какой-то конгресс, то пошел в тот же музей, и мне уже показали Калмыкова побольше. Это была отправная точка истории, которая не закончена, а только набирает свою силу.

— И все-таки не перебор ли считать Калмыкова ключевой фигурой русского авангарда XX века?

— Об этом судить зрителям и специалистам. Мы только хотим представить художника так, как он того заслуживает. Те десятки людей, вполне авторитетных в мире искусства, которые видят его работы, приходят в восхищение. Но это всего лишь десятки. В Алма-Ате музейщики дорожат его работами на вес

золота. Но у них нет денег даже на реставрацию картин, а уж тем более на введение их в контекст русского и мирового искусства. Известна роль Малевича в искусстве XX века. Его теории квадрата Калмыков противопоставлял теорию точки как основополагающей доминанты изобразительного искусства. Калмыков находится в диалоге с Кандинским, который близок ему не только своей живописью, но и рассуждениями о значении музыкальной паузы — той же точки — в музыкальном произведении.

— Он ведь был учеником Кузьмы Петрова-Водкина, значение которого для русского и мирового искусства тоже только сейчас начинает осознаваться в полной мере?

— Да, и с этим связана очень любопытная история. В 1911 году 20-летний Калмыков привез после каникул картинку маслом, которая называлась, как бы вы думали?

— Неужели «Купание красного коня»?

— Она называлась «Купание красных коней». Менее чем через полтора года Петров-Водкин написал свое знаменитое «Купание красного коня», картину, которая в определенном смысле стала наряду с «Черным квадратом» Малевича символом русского авангарда. Известно, что до того, как начали заниматься Калмыковым, высказывалось мнение, что юноша, сидящий на красном коне, это молодой Владимир Набоков. Но Калмыков пишет, что в качестве отступного за красных коней Петров-Водкин изобразил его. Правда, с более короткими ногами, чем в жизни. Ноги были написаны с нижней точки и потому искажены масштабом, как это обычно у Петрова-Водкина. Это всего лишь одна из множества историй, связанных с жизнью Калмыкова, которые дают необычайные возможности романисту.

— По-вашему, Калмыков — это некий самородок?

— Ни в коем случае. Самородок — это тетя Глаша, которая всю жизнь выращивала капусту, а потом выяснилось, что она гениальная художница, к ней приезжает Юра Рост, фотографирует и выставляет картины. Это не тот случай. Калмыков — мастер. В отличие от многих своих современников, от того же Малевича, например, он совершенно удивительный график и рисовальщик. Тот же Петров-Водкин, когда Калмыков был его учеником, сказал, что он как «молодой японец, только что выучившийся рисовать». У него совершенно необыкновенная техника. Считают, что он изобрел гравюру на картоне. За свою жизнь Калмыков создал около тридцати автопортретов. Последний исполнен за два месяца до смерти в изобретенном художником «стиле монстр». С чем сравнить эту галерею автопортретов по уровню и эмоциональной наполненности? Разве что с Рембрандтом или Ван Гогом.

— Если не самородок, то «непризнанный гений»? Публика любит определять миф, ее заинтересовывающий.

— Мне трудно говорить — гений, не гений. В общественном сознании того города, где он жил и умер — в Алма-Ате, — он считается национальным гением. Но это нонсенс — «национальных гениев» не бывает. Или он гений, или нет. В Россию Калмыков только приходит. Те немногие, кто «вживую» видел его рисунки, считают, что это совершенно необычный гениальный художник, не похожий на других гениев. На то и гений, чтобы иметь собственный масштаб.

— Почему для вас важно, чтобы первые выставки картин из Фонда Калмыкова состоялись именно в Москве, в России?

— Это было бы справедливо по очень простой причине. Несколько великих художников XX века были отторгнуты от России. Спросите в мире: кто такой Кандинский? Это немецкий художник. Как так? Россия от него отказалась. Шагал? Это витебский художник. Хаим Сутин, который по-французски почти не выучился говорить и за гробом которого в 1943 году в оккупированном Париже шел один человек — Пикассо? Это французский художник. То же самое Осип Цадкин, то же целая плеяда людей, отторгнутых от земли, на которой они родились. Мне кажется, было бы не хорошо, если бы и Калмыков был отторгнут и первые выставки его прошли в Амстердаме, Кельне или Нью-Йорке, далеко отсюда.



Графика Сергея Калмыкова, алма-атинского модерниста